

УДК 372.881.161.1

ПОНЯТИЯ «ВРЕМЯ» И «ПРОСТРАНСТВО» НА СЕМИНАРАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: РУССКО-СЛОВАЦКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ *

И. Дулебова

Университет им. Я. Коменского

Аннотация. В статье в сопоставительном словацко-русском аспекте подробно рассматривается национально обусловленное понимание концептосфер «пространство» и «время», причем сосредоточивается внимание на необходимости сравнительного подхода при идентификации общего и особенного на уровне их лингвистического и культурологического восприятия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая картина мира, время, пространство.

Главной целью занятий по межкультурной коммуникации, весьма популярных сегодня в учебных вузовских программах Словакии, является приобретение студентами межкультурной компетентности, т. е. приобретение знаний, помогающих избежать возможного возникновения проблем и конфликтов в процессе коммуникации и позволяющих эффективно взаимодействовать с представителями других культурных общностей. *«Современная модель обучения русскому языку как иностранному в словацких университетах, как правило, ориентирована на культурологический контекст»* [1, с. 402].

Описание и сравнение коммуникативных культур близкородственных языков (русского и словацкого) имеет свою специфику и определенные трудности, поскольку *«наблюдения показывают, что степень близости этих коммуникативных культур весьма высока, и исследование практически не выявляет каких-либо эндемичных или лакунарных коммуникативных фактов и явлений в сравниваемых культурах. Вместе с тем, описание близкородственных коммуникативных культур имеет важное значение для обучения соответствующим языкам представителей данных культур - ведь коммуникативное поведение представляет собой важный аспект лингводидактики»* [2, с. 3].

В широко популярной сегодня как в России, так и в Словакии теории межкультурной коммуникации давно стало постулатом утверждение, что поведение участников общения определяется ценностями их культур и особенностями в восприятии основных жизненных понятий (на первый взгляд в наших славянских культурах кажущихся порой идентичными), истинная степень различия которых, однако, *„может породить возникновение*

---

* Данная статья подготовлена в рамках проекта KEGA Vysokoškolská učebnica Ruské lingvoreálie с регистрационным номером 072UK-4/2015/.

межкультурных барьеров и ситуаций коммуникативных неудач“ [4, с. 25]. В каждой культуре в течение веков формируются свои ценностные ориентации, выражающиеся в специфическом отношении к природе, времени, пространству, личной свободе, дистанции власти, характеру общения, женскому и мужскому началу, коллективизму и индивидуализму и пр. Критериев выбора культурных детерминант сегодня в научной литературе множество, однако данная тема не является предметом нашей статьи. Мы лишь подробнее остановимся на двух из них в сопоставительном словацко-русском контексте, а именно на национально обусловленном восприятии концептосферы понятий «*пространство*» и «*время*», в вопросе основополагающего значения которых в аспекте межкультурной коммуникации сходится большинство авторов.

Данная проблематика весьма интересна с точки зрения дидактической, а именно адекватного восприятия словацкими студентами (изучающими русский язык как иностранный или русский как язык будущей специальности) выражений близкородственного языка, которые иногда и звучат одинаково, являясь межъязыковыми омонимами, которых в западнославянских и восточнославянских языках, как мы знаем, немало. Например, в выражении понятий, связанных со временем, это в первую очередь слова *день/deň, ночь /noc, вечер/večer, вчера/včera, завтра/zajtra, месяц/mesiac, секунда/sekunda, минута/minúta, столетие/storočie, тысячелетие/tisícročie* и т. д. Вопрос этимологии данного явления, разумеется, разный. Это и общая праславянская основа некоторых слов, и заимствования из других языков в диахроническом аспекте, и пр.

С точки зрения лингводидактики, рассматриваемая ситуация интересует нас в аспекте синхронном, а именно как сегодня соотносятся денотаты и коннотаты данных фоновых слов в языках русском и словацком, а значит, и в сознании их носителей. Например, понятия *утро, день, вечер*, являясь похожими, не являются тождественными. Банальное *позвоните утром* может привести в данном случае к возникновению коммуникативной неудачи: ведь звонить до девяти утра у русских не принято, а у словаков звонок и в восемь утра является явлением абсолютно нормальным. Утренние лекции в российских вузах начинаются позже, нежели в словацких, в которых первое занятие в расписании стоит уже в 7.20. То же самое и с вечерними звонками: в Словакии звонить после 21.00 считается неприличным, хотя чрезвычайно важные обстоятельства могут оправдать звонок максимально до 22.00. В русской же культуре звонок и в 23.00 не считается чем-то из ряда вон выходящим. То же самое происходит, например, и с понятием *дневное время обеда*. Словацкие обеды повсеместно (и в школах, и на предприятиях, и ресторанные бизнес-ланчи, и т. д.) соотносятся в сознании словаков со временем 11-13 часов, в то время как русские традиции дневное время обеда воспринимают как более позднее.

Возможные коммуникативные недоразумения в связи с разницей в описываемых понятиях более чем очевидны. А разница в выражении «*встретимся в пять часов* и *часов в пять*» в словацком языке вообще не существует и означает, на наш взгляд, отраженное в языке традиционное, более

необязательное (по сравнению с европейским) отношение русского культурного архетипа в понимании точного времени. По-словацки можно сказать лишь *приблизительно в пять часов*, и сопротивление языка в отношении простой перемены порядка слов нам кажется показательным. Аналогично простой перестановкой слов в русском языке значительно меняется смысл выражений *через три часа* и *часа через три* (что опять же тяжело понять простым переводом слов словацкому студенту). Как видим из наших примеров, «каждая культура имеет свой собственный язык времени, который необходимо знать ещё до общения в другой стране» [3, с. 103]. Разница менталитетов и национальных характеров, несовпадение ценностных ориентиров, расхождения в пресуппозициях и фоновых знаниях даже при продвинутом уровне владения языком на практике часто ведут к так называемым культурологическим помехам, следствием чего может стать коммуникативная неудача.

По критерию отношения в обществе ко времени можно определить и культурную направленность социума и отдельной к нему принадлежащей личности. Многие исследователи приходят к выводу, что в культурах с преобладающей ориентацией на *прошлое* главное внимание уделяется традициям, родственным и семейным связям. По нашему мнению, именно к такому типу культуры и относится русская. Данный тип культуры «*позволяет фокусироваться на нескольких действиях одновременно, не всегда следовать запланированным срокам, изменять планы, заниматься делами по мере возможностей, часто медленно, поскольку время воспринимается как неисчерпаемый ресурс*» [3, с. 104]. При ориентации на *настоящее* время фиксировано, люди пунктуальны, время воспринимается как явление необратимое и поэтому очень ценное. Трансформационные процессы, происходящие в Словакии в последние десятилетия, и возвращение её жителей к традиционным западным жизненным ценностям позволяют утверждать, что словаки сегодня относятся к культурам с ориентацией на настоящее время.

В большинстве учебников и исследований по межкультурной коммуникации в вопросе о восприятии *пространства* представителями разных культур мы преимущественно находим рассмотрение параметров приемлемой межличностной дистанции в процессе общения. Традиционно подчёркивается, что в культурах таких стран, как Италия, Франция, Россия, Испания, Турция, латиноамериканские государства и др., люди в общественных местах не боятся физических контактов и при личном общении допускают более тесную дистанцию, нежели представители североевропейских стран, США, Германии и др. На наш взгляд, исходя из личных долголетних наблюдений, именно по этому критерию принципиальной разницы между русскими и словаками не существует. Единственное различие при соблюдении дистанции мы наблюдали в очередях, например, в кассу, на транспорт, к банковскому автомату и т. д. (в Словакии данная дистанция значительно больше, а в России иногда вообще не приходится говорить о какой-либо дистанции). При личном же и даже профессиональном общении разницы в соблюдении расстояния между людьми в наших культурах почти нет.

Но вопрос восприятия некоторых понятий, касающихся пространства, в наших языках действительно заслуживает внимания. Само собой разумеется, что понятия *метр*, *километр* и подобные никаких дополнительных, так называемых фоновых значений не имеют. Но если взять, к примеру, понятия *далеко/d'aleko* и *близко/blízko*, при всей кажущейся их тождественности и лёгкости фонетического восприятия и последующего запоминания, в плане представлений о семантике данных понятий в словацкой и русской ментальности уже будет существенная разница. Это обусловлено, на наш взгляд, в первую очередь тем, что территория России и в историческом, и в современном контексте несопоставимо огромна по сравнению с территорией маленького центральноевропейского государства Словакия, в котором на любой из дорог конец одной деревни является зачастую началом другой, городские расстояния сравнительно малы (в Словакии нет ни одного города-миллионера), да и расстояния до соседних государств и их столиц с точки зрения русского человека можно обозначить как *рукой подать*. Данная фразема имеется почти в дословном переводе и в словацком языке, но русское сочетание *рукой подать* значительно отличается от словацкого *na dosah ruky*. Словацкие студенты после стажировки в Москве долго вспоминают с улыбкой московское *здесь недалеко* и даже *за углом*, хотя ситуации, возникшие в результате их непонимания московского *недалеко* и *близко*, можно в общем-то отнести именно к разряду коммуникативных неудач. То же самое касается, например, и знаменитой русской поговорки *в тесноте, да не в обиде*. Русское представление о тесноте (например, в контексте печально известного *квартирного вопроса*) существенно отличается от его дословного перевода *v stiesnených podmienkach* в восприятии центральноевропейского жителя. Понятие *коммунальная квартира* на занятиях по лингвострановедению студентам приходится объяснять довольно подробно, поскольку аналога в Словакии даже в социалистический период ни в жизни, ни в языке не образовалось. Семантика слов с пространственным значением, как видим в приведённых примерах, действительно может быть различна, и простой перевод часто не даёт адекватного восприятия данного понятия другой культурой, что впоследствии может привести в рамках межкультурной коммуникации к ситуациям непонимания.

Данный аспект при обучении русскому языку нам не следует упускать из виду. Поэтому мы полностью согласны с мнением, что при составлении учебников для обучающихся русскому языку необходимо *«сосредоточить наше внимание на проблематике национального элемента, а также на необходимости сопоставительного подхода при идентификации общего и особенного на уровне лингвистического и культурологического аспекта»* [5, с. 67]. Что же касается лингводидактики иных языковых ареалов, то приходится порой признать тот факт, что в *«некоторых словацких вузах культурологический аспект в лингводидактике иностранных языков отсутствует, хотя в сфере высшего образования усилия авторов учебников и преподавателей должны быть сконцентрированы и на повышении уровня*

познавательной, прагматической и лингвокультурологической составляющей обучения» [7, с. 138].

Главной целью занятий при данном подходе является стремление к тому, «чтобы коммуниканты различных культур в дальнейшем могли успешно предотвращать недорозумения, вызванные транскультурными барьерами, освоив стандартные культурные модели, которые с точки зрения межкультурной психологии представляют собой типичные формы восприятия, мышления, способов оценки действительности и коммуникации большинства представителей данной культуры» [6, с. 146].

Литература

1. Зеленицка Е. Диалог культур в условиях университетского обучения в Словакии // Мова і культура. - 2012. - Вип. 15, т. 4.
2. Пипер П., Стернин И.А. Национальные особенности коммуникативного поведения // Коммуникативное поведение. - Вып.19: Коммуникативное поведение славянских народов. - Воронеж, 2004.
3. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
4. Charfaou E. Komunikatívno-pragmatické a lingvokultúrne charakteristiky reklamného textu // Univerzita Komenského v Bratislave. - 2014.
5. Kvapil R. Význam komparácie v cudzojazyčnej edukácii // Jazykovedné, literárnovedné a didaktické kolokvium XIII. Bratislava : Z-F LINGUA, 2012.
6. Pekarovičová J. Slovenčina ako cudzí jazyk: predmet aplikovanej lingvistiky. - Bratislava: Stimul, 2004.
7. Rizeková I. Jazyk ako duchovná sila // Ianua ad linguas hominesque reserata IV., Noailles, 2012.

References

1. Zelenicka E. Dialog kul'tur v usloviyah universitetskogo obucheniya v Slovakii // Mova i kul'tura. - 2012. - Vip. 15, t. 4.
2. Piper P., Sternin I.A. Nacional'nye osobennosti kommunikativnogo povedeniya // Kommunikativnoe povedenie. - Vyp.19: Kommunikativnoe povedenie slavyanskikh narodov. - Voronezh, 2004.
3. Sadohin A.P. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii: Uchebnoe posobie dlya vuzov. – M.: YUNITI-DANA, 2004.
4. Charfaou E. Komunikatívno-pragmatické a lingvokultúrne charakteristiky reklamného textu // Univerzita Komenského v Bratislave. - 2014.
5. Kvapil R. Význam komparácie v cudzojazyčnej edukácii // Jazykovedné, literárnovedné a didaktické kolokvium XIII. Bratislava : Z-F LINGUA, 2012.
6. Pekarovičová J. Slovenčina ako cudzí jazyk: predmet aplikovanej lingvistiky. - Bratislava: Stimul, 2004.
7. Rizeková I. Jazyk ako duchovná sila // Ianua ad linguas hominesque reserata IV., Noailles, 2012.

**CONCEPTIONS “TIME” AND “SPACE”
AT SEMINARS ON INTERCULTURAL COMMUNICATION:
RUSSIAN-SLOVAK COMPARATIVE PERSPECTIVE**

I. Dulebova

University named after Ya. Komensky

Abstract. In the given paper we examine understanding of nationally conditioned conceptions of *space* and *time* in a comparative Slovak-Russian perspective, pointing out that there is a need in applying a comparative approach towards identification of common and particular characteristics from a viewing angle of linguistic and cultural studies.

Keywords: intercultural communication, linguistic picture of the world, time, space.

Сведения об авторе

Дулебова Ирина, PhD, доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета, Университет им. Коменского (Братислава, Словакия), член редакционной коллегии журнала «Дидактическая филология».

Рецензент

Магомедова Тамара Ибрагимовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия), ответственный секретарь журнала «Дидактическая филология».